

ДЕЛО МУРАТА САГАДЕЕВА

Ни Олег Форостенко, ни Вячеслав Шалевич, известные как актеры Театра имени Евг. Вахтангова, не прославились себя как режиссеры, когда на их пераю самостоятельную, хотя и поддерживаемую помощью Евгения Симонова постановку торопились публика. И вряд ли многие москвичи знали башкирского драматурга Азата Абдуллина, написавшего ту пьесу, которую они поставили: «Тринадцатый председатель» называлась эта пьеса.

Но почему-то на премьеру все же шли с неким тайным, неопределенным, но осязаемым интересом. Точнее — предчувствием интереса, ибо откуда, как не из области интуиции, могло возникнуть отношение к неизвестной пьесе? Но как только в зале настал момент тишины, предающей таинство рождения спектакля, интерес явился во всей своей определенности.

Он начался с бесхитростной сценической обстановки, для которой, по-видимому, режиссеры просто взяли со склада какие-то нужные им предметы быта. На придуманные, не приукрашенные театральными хитростями стояли на сцене: стол для заседания суда, скамьи для присутствующих на нем свидетелей. И — место подсудимого.

Простая точность была в том, что все имело одну цель — служить чему-то очень важному. Очень важное было в судьбе человека, которого играл Василий Лановой.

Мне показалось, что актер этот никогда не был таким. Каким? Прежде всего молчаливым и вместе с тем все время как будто говорящим с нами в зале, хотя он в зал не посмотрел ни единого раза.

Затем, он показался мне с редкой точностью, как никогда, постигшим современную, по сути, народную душу.

Затем, он вызывал такую полноту сопереживания, что зал, затихнув, ловил каждое слово в его защиту, как и против, и почти с детской искренностью надеялся на лучший исход.

И, наконец, что самое главное, в поведении Ланового на сцене, или, точнее, вынужденном бездействии, преломлялась конкретная человеческая суть большой проблемы, ради которой написана пьеса. Это — непонятая и неопределенная (в событиях пьесы) способность человека руководить трудом так, чтобы в труде организовать человеческое счастье, пусть эта способность проявляется в самом маленьком куске действительности, каким был башкирский колхоз «Красный луч».

Председатель этого колхоза Мурат Сагадеев был не только оценен, он оказался наказанным и отторгнутым от дела, к которому доказал незаурядный талант призвания. Он воссоздал плодородие на бедной земле и духовную красоту в скудном бытии, он был наказан за то, что делал это не по букве параграфа. Тем не менее герой Ланового воспринимался не как обиженный, не как страдающий человек, хотя был и тем и другим, но воспринимался он как человек, глубоко убежденный, даже в эту тяжелую минуту жизни, в необходимости заставить всех понять, как надо вести труд на земле, чтобы не разрушить связи между ней и человеком.

Он явно любил землю, и, наверное, земля отвечала ему тем же.

Но против него была формальная логика, потому что он, творя жизнь, нарушил параграфы, мешающие ее течению и, вероятно, должны быть изменены. Но он нарушил их стихийно и оказался под судом, вместо того чтобы получить благодарность за

создание колхоза-миллионера на пустом месте.

Сагадеев — Лановой не защищался, а выступал против того, кто пытался его осудить. И не только потому, что это был его оппонент, но и потому, что тот пытался заглушить идею Мурата. Этот антагонист Сагадеева, Баимов, представлял иную форму руководства людьми — руководства холодного, бумажного, приспособляющего себя к любому течению событий, а не ведущего их согласно коммунистической идее бытия.

Сагадеев руководил трудом, он организовывал процесс труда, и его колхоз вырвался вперед, нарушая среднюю линию успеха. И тогда против Мурата с его «Красным лучом» выступил другой противник — вечный скрытый противник идеи общественного расцвета, «рыцарь» корыстолюбия и наживы, маленький хозяйчик, радующийся во имя личного обогащения. Это помещик, «надстроивший» со-

Сагадеева и реальные плоды, которые дал этот метод. Обнаруживая в принципах труда принцип мышления, мировоззрения и тот живой момент, когда идея претворялась в реальность.

Они оказались очень разными, но все они были прочно связаны с реальностью, с процессом земледельчества, с теми формами труда на земле, которые практикует человек сегодня. И актеры Театра имени Вахтангова глубоко прониклись важностью поднять эти проблемы, углубив ими историю страданий и побед героя пьесы.

С душевным грузом тревоги за человека и с болью матери за свое дитя, идущее тяжелыми ступенями к утверждению своей правды, явилась перед нами Саубан-апа Марии Синельниковой. Она была первой, кто как бы развернул перед нами незримую широкую карту соотношений истинного и неистинного руководства, жизненной и формальной заботы о стране и че-

логике получают не менее сильное освещение противоречия, едва не погубившие Мурата. Едва? Нет. Это еще не стало известным, и спектакль не отражает окончательного решения судьбы своего героя. Он — тринадцатый; число; как его предупреждали, неудачно; Абдуллин умеет бросить то тут, то там живые, непосредственные краски, жизнь с ее естественным течением прорывается в том, как мимолетная шутка выходит в название, становится образом.

В ходе действия пьесы есть существенный поворот, при котором, казалось бы, уже исчерпанный конфликт получает новое освещение: катастрофа, нависшая над председателем, зависела не только от его прямого противника. К сожалению или к счастью, тут возможность двойного исхода, она зависела и от людей, близких Сагадееву, от тех, кто волен был в том, как отнестись к нему, как поступить. Как подсказает совесть. Вопрос совести как вторая тема спектакля решается, когда на сцену выходит Халида. Ее настоящее перекрыло ее прошлое: сейчас она депутат, недавняя скромная доярка, играет ее Галина Пашкова, долгое отсутствие которой на сцене не отразилось на мастерстве ее тонкого и твердого, взволнованного и прочного сценического рисунка. Ее образ прочерчен иглой гравера, она даже во внешнем облике и в costume применяет черно-белые тона, острые и легкие движения. Актриса не любит играть в полтона, и уже по дороге к сцене ее Халида заражает нас ожиданием необычного эффекта, ибо чувствуется, что к решительному шагу готовит себя эта черноволосая узкоглазая женщина. Все продумано. Каждый ее шаг — выражение воли, которая борется с робостью. Суть появления в том, что Халида, сидевшая весь вечер в зале среди нас, теперь поняла, что наступил ее час. Час ее признания в том, что для себя она назвала преступлением перед правдой и справедливостью. Почти невыносим момент, когда Халида опускается на колени перед Сагадеевым. Она просит у него прощения за то, что она, им поднятая до тех высот, о которых и не мечталось маленькой доярке, проголосовала против него. Ее рука — Халида показывает ее, поднимая так, как поднимала на партийном собрании, и смотрит на свою руку, на пальцы с отчаянием и стыдом, как на чужую, — решила участь председателя. Если бы не Халида, не было бы большинства голосов, поданных за исключение Сагадеева из партии, и он не стоял бы сейчас перед судом.

И, наверное, это самый трудный, самый ранящий конфликт человеческой драмы, отраженной в пьесе: нравственная стойкость, знание своего этического долга перед человеком и жизнью. Многие можно исправить и простить, измену человека своим убеждениям и идеалам он сам себе не простит.

Не всегда даже на самых лучших спектаклях бывает такое сближение сцены и зала, как здесь, такая насыщенная вниманием тишина. Идет заседание. Не игра в него, а само заседание, где решается большая социальная и нравственная гипотеза наших дней. Без суеты, без спешки, без стремления к дешевому сенсационному успеху.

Только с желанием сказать о правде так, чтобы правда и в театре была похожа на самое себя.

И мне кажется, что это желание воплотилось в дело.

Нина ВЕЛЕКОВА

Сагадеев — В. ЛАНОВОЙ. Халида — Г. ПАШКОВА, второй заседатель — Э. ШАШКОВА.

Фото М. ЧЕРНОВА

циализм и пожелавший «отдохнуть у тихой речки», он и обжаловал стремительное продвижение сагадеевского колхозного хозяйств (а спектакле его играет А. Кашперов).

Так хозяйственная проблема, способствующая возникновению суда над Сагадеевым, развернулась в пьесе и спектакле в проблему общественно социальную и идеологическую. Против действий коммуниста Сагадеева оказались действия лоднявшего голову обывателя и собственника. Театр нас подвел к этой проблеме, не покидая гой подспудной психологической области, в которой развязывались узлы сагадеевской истории.

Драматург построил сюжет так, что общее самим условием сюжета включилось в личное: Сагадеев отказался от защитника на суде, потому что защитник предпочел правду, рассказанную его товарищами, людьми колхоза. Тогда, сказал он, они лучше поймут смысл нашего общего дела.

И один за другим они выходили из зала театра в зал суда, открывая метод руководства

люде. Синельникова создала очень точный и живой характер, но не частный. Актриса всегда знала цену теперь нередко забываемым творческим идеям многоизмеримой жизни человеческого характера, и за ее Саубан стояла народная судьба.

В красках броских, с почти эксцентрической игрой темперамента, но искренне и живо возникает другой сторонник сагадеевских принципов. Это Вьюгин — Ю. Волынцев, смуглый, забубенная голова, с некоторым запозданием понявший, ради чего стоит жить на земле. Убеждает точно раскрываемой логикой мышления парторг Закиров — В. Коваль, человек стойких нравственных убеждений, сам принявший несправедливое наказание, но не отказавшийся от идеи Мурата. Неожиданную ноту лиризма вносит в строгий код суда Кадрия — Е. Райкина, со скрытой нежностью сердца обращающаяся к Сагадееву.

А от обратного доказанная правда Сагадеева идет от четко решенной Е. Лисконом фигурой Баимова, такой характерной и нестандартной. В его